

«ФИНАНСИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДОЛЖНО БЫТЬ УДВОЕНО», –

так считает член Общественной палаты РФ академик РАМН доктор медицинских наук профессор Александр Александрович Баранов. Разговор состоялся в одной из лучших детских больниц России – Научном центре здоровья детей, генеральным директором которого вот уже почти восемь лет является Александр Александрович.

– Поздравляю Вас с избранием в Общественную палату России. Скажите, какой Вы видите работу этой организации?

– Вопрос и простой и одновременно сложный. Я долго думал о том, что такое Общественная палата, каковы ее отношения с властью. Скажу о своей работе в комиссии по здравоохранению.

– Чем занимается Ваша комиссия?

– Комиссия по здравоохранению рассматривает проблемы, которые существуют в нашей медицине. При этом мы являемся конструктивными критиками тех изменений, которые происходят в отрасли. Это очень эффективная помощь. Мы многое можем. Главное – приглашать в

качестве экспертов представителей любых регионов. Это и Европейская часть России, и Сибирь... Мы доходим до самых маленьких и отдаленных сельских больниц. Мы можем отслеживать даже сельские фельдшерские пункты.

– Недавно было принято постановление правительства о повышении зарплаты медицинскому персоналу. Участковым врачам добавили по 10 000 рублей, фельдшерам – по 5 000. Как проходит эта реформа?

– Зарплату участковым врачам, насколько мне известно, уже повысили. Фельдшеры пока кое-где прибавки не имеют, это связано с тем, что сюда идут не только федеральные деньги, но и средства муниципалитетов. Тут могут

быть организационные недоработки, но все это будет, безусловно, компенсировано.

– Как Вы сами относитесь к этому проекту?

– В свое время я сам был чиновником в Министерстве здравоохранения. Занимал пост первого заместителя министра СССР. И то, что сейчас происходит в отрасли, было предложено еще Чазовым. Правда, перерыв был в 15 лет. Но как бы ни ругали Зурабова, его главная заслуга в том, что он был первым министром России, который прямо сказал высшей власти, что для подъема здравоохранения нужны деньги. Все предыдущие твердили: «У нас есть внутренние резервы»...

– Я тоже на себе испытала благоприятные перемены, которые происходят в нашем здравоохранении. Недавно, на «скорой помощи» попала в хирургическое отделение больницы №7 города Москвы. Операцию сделали блестяще! Месяц долечивалась в дивном санатории «Дорохово». Также совершенно бесплатно. Аппаратура в больнице первоклассная. Врачи потрясающие. Возможно, такое состояние обычной районной больницы тоже результат того, что в здравоохранение пошли деньги....

– Безусловно!

– Скажите, а в Научном центре здоровья детей, директором которого Вы являетесь, произошли какие-то позитивные изменения?

– Я связываю перемены, которые произошли в нашем центре, с Валентиной Ивановной Матвиенко. Наше возрождение началось после того, как она стала вице-премьером. Шел 1998 год. Я только что пришел на пост директора.

– Какое наследство Вы получили от своего предшественника?

– Страшно вспомнить! Центр тогда был в ужасном положении. Буквально на грани закрытия. У нас ночевали бомжи. В корпусе не было отопления. И было принято решение об объединении Института педиатрии РАМН и Института гигиены детей и подростков. Возник Научный центр здоровья детей. Я стал его генеральным директором. И при поддержке В.И. Матвиенко мы очень быстро провели реконструкцию. Отремонтировали помещения. В брошенном корпусе открыли Консультативно-диагностический центр. Если раньше мы амбулаторно консультировали 18 тыс. детей, то сейчас у нас проходят обследование 200 тыс. Едут со всей России, из США, Германии, я уже не говорю о странах СНГ. У нас теперь есть супероборудование. Недавно к нам приезжали из детской клиники Гарварда, хотели вести переговоры о том, чтобы направлять наших детей на лечение к ним, в Штаты. На коммерческой основе. Прошлись по нашей клинике. Посмотрели, как мы можем лечить детей. Ходили пять часов и сказали: «У вас есть все, что имеем мы. К нам вашим детям ехать незачем!».

– Только в отличие от Гарварда вы лечите детей бесплатно?

– Да. На бесплатной основе у нас лечится более 90 процентов детей. Деньги

платят в основном родители детей, приезжающих к нам из стран, с которыми у России нет договора о предоставлении бесплатных медицинских услуг. Кроме того, дети обеспеченных родителей. Например, относительно недавно мы приняли у себя трехлетнюю дочку одного очень известного нашего олигарха. Я не могу по этическим причинам назвать вам имя этого человека, поверьте мне, он мог выбрать любую больницу мира, но лечил своего ребенка именно у нас в центре.

– Но, наверное, к таким детям у вас особое отношение?

– Со всеми детьми и из знаменитых семей, и самых обычных, мы работаем одинаково. Интересуемся этим в самую последнюю очередь. Порой я сам случайно узнаю, что у меня в Центре лежит сын или дочка какой-нибудь знаменитости. В основном у нас лечатся плановые больные, но если к нам привезут ребенка с улицы, мы оказываем помощь и ему. Мало того, мы время от времени проводим Дни открытых дверей. Обычно это выходные. Тогда наши профессора принимают всех желающих без направления. Мы детей осматриваем, обследуем, принимаем на лечение.

– Вы пришли в клинику, когда она переживала не лучшие времена. Теперь она котируется на уровне лучших клиник мира. Что должно произойти, чтобы подобные позитивные изменения произошли во всем нашем здравоохранении?

– Мы не дети и понимаем, что для решения любых вопросов нужны деньги. Сейчас деньги появились. Сразу пошло

насыщение здравоохранения бесплатными лекарствами, лекарствами, отпускаемыми по льготным ценам. Последствия мы наблюдаем уже сейчас. Приведу простой пример: у нас всегда было огромное количество больничных коек. Мы по этому показателю занимали первое место в мире. И знаете почему? У нас всегда был дефицит хороших лекарств. Их можно было получить только в условиях стационара. Больные стремились лечь в больницу, чтобы получать хорошие медикаменты. Сейчас ситуация изменилась. Лекарств навалом. Но цены! Для массы населения они неподъемные. Люди рвутся в стационары только для того, чтобы им давали бесплатные лекарства. И Зурабов понял, что если мы обеспечим больных бесплатными медикаментами, пойдет сокращение количества коек. И сейчас, действительно, такое сокращение наблюдается. Все большее количество заболевших начинает и заканчивает свое лечение в условиях поликлиники. А больницы из-за того, что число больных уменьшилось, стали работать лучше. Если прежде у нас палаты были на 10–12 коек, то теперь на 3–4, даже меньше. Если прежде у нас лежали в коридорах, то теперь подобного вы не увидите. Снизились нагрузки на персонал. Врачи и медсестры стали меньше уставать. Больные в выигрыше!

– Сколько в среднем у вас стоит койко-место в сутки?

– Разброс огромный. В среднем – 1000 рублей. Бывает, что и 10 тысяч.

– Расскажите о себе, Вы давно в медицине?

С.В.И. Покровским

Рыбалка оказалась удачной

– Родился я в Кировской области. Учился в Казани. Институт окончил в 1964 году. Начиная работать в Татарии. Сначала участковым доктором, потом заведующим отделением. В дальнейшем переехал в Горький.

– Каково было положение в Горьком в ваше время? Тогда были страшные перебои с продуктами?

– Горюду в какой-то мере не повезло – он был «закрытым». Туда много лет не допускали иностранцев. А для них у нас тогда была во всем показуха. В Горьком же были почти пустые полки. Но сам город прекрасный. Я его очень люблю. Прожил там 18 лет. Последние восемь лет был директором педиатрического института.

– Скажите, за сорок с лишним лет, что Вы лечите детей, изменилась ли картина их заболеваний?

– Здоровье детей стало хуже.

– И это несмотря на успехи медицины?

– В какой-то мере, как ни цинично это звучит, именно благодаря этим успехам. Сорок лет назад была огромная смертность. Дети с целым рядом заболеваний просто умирали. Теперь они живут. Но многие становятся инвалидами, годами страдают тяжелыми хроническими недугами. Сейчас развита эффективная технология выхаживания маловесных детей. Но, к сожалению, многие эти дети имеют потом серьезные нарушения со стороны центральной нервной системы, других жизненно важных органов.

– Но причина не только в этом?

– Конечно. Качественно изменился образ жизни детей. Стало хуже питание. Приведу простой пример: у многих детей масса тела не соответствует возрастным нормам. Из них у 80 процентов мы наблюдаем

недостаток веса. Им не хватает белка, жиров, витаминов. А при этом 20 процентов страдают теми или иными формами ожирения. Уменьшилась средняя емкость легких, окружность грудной клетки, рост снизился на 1,5 см. Мышечная сила сократилась на 20 процентов. И все это произошло за последние 10–15 лет. Идет физическая деградация наших детей.

– За счет чего это происходит?

– Главное – малоподвижный образ жизни! Дети сидят у телевизоров, компьютеров. Дети даже из благополучных семей, по сути дела, становятся брошенными! К нам приходят родители. Мы обследуем их ребенка, ставим диагноз, даем назначения. Через несколько месяцев приглашаем на повторные консультации, приходят дети – состояние еще хуже! Оказывается, родители не выполнили ни одного нашего назначения! У них возникло ощущение, что лечить и учить их детей должен кто угодно, но только не они. Государство. Школа. Нанятая няня.... Но я уверен, что если семья, сами папа и мама, не будут заниматься ребенком, ситуация не улучшится.

– А как меняется состояние здоровья детей после их обучения в школе?

– Школа является самым мощным фактором риска заболеваемости детей.

– И это несмотря на все оздоровительные программы?

– Такие программы пока работают только в единичных школах. И там они являются спасением. Но в большинстве российских школ на сегодняшний день нет даже полноценного питания. Санитарно-гигиеническое состояние не соответствует нормативам ни по освещенности помещений, ни по оснащенности

мебелью, ни по наличию спортивных сооружений. Сегодня на первое место выходят заболевания опорно-двигательного аппарата (нарушение осанки, сколиоз...), а на второе – болезни органов пищеварения.

– И все эти отклонения являются результатом обучения ребенка в школе?

– Мы имеем показатели состояния здоровья ребенка, поступающего в школу и оканчивающего ее, и видим, как все эти нарушения нарастают. Кроме того, в школах на детей наваливается сумасшедшая нагрузка! Пять-шесть уроков плюс пять-шесть часов ему надо заниматься дома. Какой, скажите, ребенок это выдержит! И при этом он вечно чувствует себя виноватым: то не успел сделать, это. Разве так жить полезно? В результате возникают заболевания нервной системы. Сверх-утомляемость. Гипертония.

– Вы в Общественной палате в комиссии по здравоохранению, можете поднять вопросы, которые входят в компетенцию Министерства образования и науки?

– Конечно. Мало того, я сам много лет являюсь членом научного совета при Совете безопасности России. И вот уже трижды мы обсуждали вопросы ухудшения здоровья детей при прохождении школьного обучения. Я сам готовил материалы. Докладывал об общей ситуации со здоровьем молодежи. Говорил не только про школы. Эти материалы шли под заголовком «Здоровье детей и подростков как фактор национальной безопасности». Мы готовили записки и президенту, и депутатам, и я не думаю, что все наши исследования прошли незамеченными. Была создана Общественная палата, в ней – комиссия по здравоохранению. Постепенно идут положительные изменения. Но начинать надо было как минимум 10–15 лет назад. А не сейчас, когда в стране происходит демографическая катастрофа. Число детей в нашей стране за девять лет сократилось на 9 миллионов, что скажется через десять лет новым еще более мощным спадом.

– А что же делать?

– Я думаю, что положение в нашей стране может изменить то поколение, которое сегодня ходит в детский сад. Потому что в нынешней тяжелой демографической ситуации очень важна и медицинская составляющая. У нас слишком много бесплодных браков! Когда супруги очень хотят ребенка, но не могут его ро-

дить по состоянию здоровья. Таких семей в России до 10 миллионов!

И мы стали разбираться, почему это случилось. И поняли, что когда эти бесплодные мужчины и женщины были детьми, они не получали надлежащей медицинской помощи! В 1980–1990 годы реально не существовало таких специальностей, как андролог – специалист по охране репродуктивного здоровья мальчиков. Не было и нормально развитой детской гинекологии. Сегодня такие специалисты появляются, но их крайне мало. Отсутствует единая программа охраны репродуктивного здоровья детей и подростков. Как результат примерно 70 процентов девушек-подростков в 17–18 лет имеют гинекологические заболевания.

– Многие считают, что это результат половой распущенности?

– Отнюдь! Я как врач могу сказать, что есть и немало девочек с заболеванием половой сферы, которые вообще не имели опыта сексуальной жизни. Встречается много осложнений, скажем, после инфекционных заболеваний, которые затрагивают репродуктивную сферу. Часто мы наблюдаем врожденные дефекты.

– Ваши наблюдения касаются только девочек?

– До 40 процентов мальчиков тоже имеют нарушения в половой сфере, которые требуют оперативного лечения. Мы же только недавно, в 2006 году, создали отделение андрологии. Провели реконструкцию помещений, купили оборудование, укомплектовали кадрами. В сентябре станем принимать пациентов.

– Первых пациентов?

– Нет, больные у нас уже есть. Мы только размещаем их в хирургии, урологии...

– Пока это единственное такое отделение в России?

– Думаю, что да. Я по крайней мере о таком отделении больше не слышал.

– А как выявляют нарушения в репродуктивной сфере при медосмотрах в школах, детских садах?

– Да никак! Осматривать ребенка должен специалист. Хотя опытный педиатр тоже может заметить подобные нарушения. Этому учат студентов медицинских вузов.

– Но ведь одного вашего отделения крайне мало для всей России, что можно сделать в регионах?

– Обеспечить доступность подобных осмотров. Взять хотя бы школы. Там что, девушек при медосмотрах обследует гинеколог? Нет, конечно. Девочки

часто стесняются идти в обычную женскую консультацию. Им легче сходить в детскую поликлинику.

– Но, может быть, Вы знаете хотя бы одну школу, где подобную проблему решили?

– Одна школа ничего в целом не решает! Скажу как врач: дело с охраной репродуктивного здоровья нации у нас обстоит не просто плохо, а дико.

– А в других странах?

– Специалисты во всех странах труднодоступны. Взять ту же Германию, найти классного врача там тоже довольно сложно. Но тамошнее население более грамотно. У нас же порой отвести девочку или парня к врачу, занимающемуся восстановлением репродуктивного здоровья, считается позором на всю округу!

– За время работы комиссии по здравоохранению в Общественной палате что-то удалось изменить в лучшую сторону в деле оказания медицинской помощи в нашей стране?

– Все заседания нашей комиссии проходят у нас в центре в нашем конференц-зале. И это для всех очень удобно. Мы обсудили ситуацию с лекарствами, с законами о государственных гарантиях бесплатной медицинской помощи. Я тогда сказал, что это безобразие! Есть закон о гарантиях предоставления бесплатной помощи, но нет возможности ее получения. Мы направили решения и в министерства, и в Думу. Кстати, на всех наших заседаниях присутствует заместитель министра здравоохранения Владимир Иванович Стародубов. Работаем конструктивно. Находим общий язык.

Недавно ездили в Казань. Провели выездное заседание совместно с коми-

тетом Госдумы и научным советом по педиатрии Минздрава, который я возглавляю. Заехали в дальнюю деревню. Доктор Рошаль вышел на улицу, стал спрашивать народ, как обстоит дело со здравоохранением. К нему подходили люди, многие шли с предложениями...

– А что, положение с медициной в Татарстане совсем тяжелое?

– Наоборот. Я могу сказать, что там уровень здравоохранения достаточно высокий. Президент уделяет большое внимание именно этому вопросу. В Казани работает уникальная детская больница. По уровню насыщенности новейшими технологиями, таких мало не только в России, но и в мире.

– Какие регионы, на Ваш взгляд, самые благополучные в области здравоохранения?

– Москва, Санкт-Петербург, Белгород, Татарстан... Практически все те, где есть сильные медицинские вузы и неравнодушное к повседневным нуждам руководство.

– Как Вы думаете, наладятся ли у нас дела со здоровьем нации? Придет ли день, когда мы сможем отказаться от термина «национальная катастрофа» с медицинской точки зрения?

– У нас в стране многое зависит от первого лица, и мы надеемся на президента. По моим оценкам расходы на здравоохранение надо удвоить. Тогда демографическая ситуация у нас постепенно наладится и медицина станет активнее развиваться.

Интеллектуальные ресурсы для этого у нас огромные!

Елена ГРИГОРЬЕВА

В кругу семьи